

На правах рукописи

УДК 811:112.2

Небеснюк Ульяна Александровна

**ПРАГМАТИКА И СТИЛИСТИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НЕМЕЦКОГО
ТЕКСТА «KALENDERGESCHICHTE»**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2023

Работа выполнена на кафедре немецкой филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Гончарова Евгения Александровна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Баева Галина Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)»

Тихонова Елена Сергеевна

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Защита состоится «**11**» апреля 2023 года в _____ часов на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.08, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, корп. 5) и на сайте университета по адресу: https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000894.html

Автореферат разослан « _____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Камшилова Ольга Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению прототипических особенностей композиционно-архитектонической структуры немецкоязычной «календарной истории» (нем. «Kalendergeschichte») как синкретического нарративно-сентенциального типа литературно-художественного текста.

Актуальность темы исследования. В отечественной германистике тексты «Kalendergeschichte» до настоящего времени в рамках диссертационных исследований не изучались, что определяет необходимость всестороннего научно-лингвистического исследования литературно-художественного типа текста «календарная история» с позиций нарратологии, теории и стилистики текста, а также выявления и теоретического осмысления совокупности его типологических черт посредством эмпирической интерпретации нарративных и лингвостилистических средств их выражения в композиции и структуре конкретных текстов.

Степень научной разработанности темы. Зарубежными исследователями феномен «календарной истории» изучался с точки зрения его исторического развития (L. Rohner), историографии календарных историй И. П. Хебеля и Б. Брехта (J. Knopf), поэтической и нарративной теологии в текстах И. П. Хебеля (J. A. Steiger), в аспекте техники повествования и языкового оформления сборника календарных историй И. П. Хебеля «Schatzkästlein des Rheinischen Hausfreundes» (рус. «Сокровищница рейнского друга дома») (G. Driehorst). Отдельные диссертации, выполненные в Германии, были посвящены календарным историям Б. Брехта в целом (D. Ignasiak) или «Историям господина Койнера» в частности (I. Häußler, D. Wöhrle).

Объектом диссертационного исследования является литературно-нарративный тип текста «календарная история» (нем. «Kalendergeschichte»).

Предмет исследования составляют прототипические характеристики типа текста «календарная история», выражаемые определенной совокупностью композиционно-архитектонических и лингвостилистических элементов, которые служат реализации его коммуникативно-прагматической установки.

Цель диссертационной работы состоит в лингвистической интерпретации текста «календарной истории» как синкретического нарративно-сентенциального типа литературно-художественного текста.

Достижение поставленной цели предопределило необходимость решения следующих задач:

- исследовать проблемы текстотипологической параметризации литературного нарратива;
- изучить генезис календарных историй как части кумулятивного типа текста «календаря» в немецкой этнокультуре;
- провести сопоставительный анализ немецкой «календарной истории» с родственными нарративными жанрами;

– установить прототипические особенности композиционно-сюжетной организации нарратива в немецкой «календарной истории», в качестве объединяющей «иллокутивной силы» которых выступает сентенциональная авторская интенция;

– проанализировать типы нарратора в немецких календарных историях разных культурно-исторических периодов как речевой инстанции, резюмирующей просветительно-морализаторский текстовый смысл календарных историй;

– описать систему образов персонажей, участвующих в развитии текстового нарративно-сентенционального смысла «календарной истории», и композиционно-смысловые функции их речи.

В соответствии с целью и задачами диссертационной работы использовались следующие **методы исследования**: композиционно-сюжетный и контекстуально-речевой анализ текстовых целых, метод сопоставительной интерпретации текстов изучаемого типа из разных культурно-исторических эпох, а также индуктивно-дедуктивный метод научного описания языкового и библиографического материала.

Теоретическую основу диссертации составляют научные труды отечественных и зарубежных ученых в области:

– истории развития немецкого народного календаря: W. Faulstich, S. Giess, H. Kohlbecker, W. H. Riehl, L. Rohner, J. B. Trenkle, I. Wiedemann и др.;

– нарратологии: В. А. Андреева, Р. Барт, Ж. Женетт, И. П. Ильин, С. Лансер, Я. Линтвельт, К. Р. Новожилова, В. И. Тюпа, В. Шмид, К. Friedemann, J. H. Petersen, F. K. Stanzel и др.;

– функциональной лингвистики и прагматики: Я. Мукаржовский, Дж. Остин, Дж. Сёрл, Р. О. Якобсон, К. Brinker, К. Bühler, R. Eckard, E. U. Große, W. Heinemann, D. Viehweger и др.

– литературоведения: С. Н. Бройтман, Н. Л. Вершинина, В. П. Мещеряков, Г. Н. Поспелов, Н. Д. Тамарченко, Л. И. Тимофеев, Б. В. Томашевский, В. Е. Хализев, Л. В. Чернец, В. Б. Шкловский и др.;

– лингвистики и стилистики текста: В. Г. Адмони, И. В. Арнольд, М. П. Брандес, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, Е. А. Гончарова, А. И. Домашнев, М. Я. Дымарский, М. Н. Кожина, Б. О. Корман, Ю. М. Лотман, М. А. Петровский, В. И. Провоторов, И. П. Шишкина и др.

Языковым материалом исследования служат тексты календарных историй немецких авторов XIX-XX веков: И. П. Хебеля (189 календарных историй), Б. Брехта (103 календарные истории, в том числе 87 «Историй господина Койнера»), Ф. К. Вайскопфа (103 текста), О. М. Графа (33 календарные истории) и Э. Штриттматтера (200 календарных литературных миниатюр). Общий объем проанализированного языкового материала – 628 текстовых единиц.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и систематизации прототипических структурно-семантических признаков немецкоязычного текста «календарная история» (нем. «Kalendergeschichte») как синкретического

нарративно-сентенционального типа литературно-художественного текста, недостаточно изученного с лингвистических позиций в отечественной и немецкой германистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Немецкая «календарная история» (нем. «Kalendergeschichte») представляет собой синкретический нарративно-сентенциональный тип литературно-художественного произведения, сохранивший при выходе из кумулятивного текста, «народного календаря», характерные черты малоформатного нравоучительно-просветительского нарративного текста, ориентированного на широкого потенциального читателя и повествующего в лапидарной и общедоступной языковой форме о забавных, необычных или типичных жизненных ситуациях, заслуживающих афористического осмысления.

2. К основаниям делимитации «календарной истории» как синкретического типа литературно-нарративного текста может быть отнесен среди прочего ее генезис. «Календарная история» впервые появилась в составе кумулятивного текста – (народного) календаря, существующего в немецкой этнокультуре с середины XV века в том числе в печатном виде. Начавшийся в XVIII веке период литераризации календаря завершается в начале XIX века выходом «календарных историй» за его пределы. В качестве синкретического нарративно-сентенционального типа литературно-художественного текста «календарная история» (нем. «Kalendergeschichte») сохранилась в немецкой литературе до нашего времени, демонстрируя ряд константных структурно-семантических признаков, модифицируемых в индивидуальных художественных системах использующих ее авторов.

3. Стратегия сентенциональности играет роль главной «иллокутивной силы», органично вписывающейся в нарратив композиционно-архитектонического текстового целого «календарной истории». Сентенциональная установка литературно-художественного нарратива эксплицитно выражается прежде всего в авторских ремарках, занимающих начальную и/или конечную «сильные позиции» текста. В начальной позиции подобные ремарки содержат аддитивную информацию о времени, месте сюжетного действия и (краткий) социальный портрет действующих лиц, а также проспективную подсказку читателю о развитии изображаемого нарративного события и эксплицитное наставление в виде совета для практического применения, пословицы или морализаторского рассуждения. Сентенциональное высказывание в конечной «сильной позиции» текста представляет собой заключительный речевой акт в сюжетодвижении календарной истории, прагматически связанный с «авторской точкой зрения».

4. Значительная роль в реализации коммуникативно-прагматической стратегии сентенциональности принадлежит композиционно-смысловому построению «календарной истории» по принципу контрадикторности: с помощью противопоставления повествовательных событий в рамках двух и более эпизодов, создания системы контрастирующих образов действующих

лиц, помещения контрадикторных лексико-семантических элементов в сильные позиции заголовка, начала – концовки текста, использования архитектурных, композиционных, интертекстуальных антитез.

5. В «календарных историях» преобладает недиегетический аукториальный тип нарратора – повествовательно-речевая инстанция, резюмирующая смысловую сущность изображаемых сюжетных мотивов в логике соответствующей сентенции от 3-го лица «всезнающего наблюдателя». В тех случаях, когда недиегетический аукториальный нарратор уступает место диегетическому нарратору, функционирующему и как повествователь, и как персонаж, эмоционально-оценочное и сентенциально ориентированное комментирование нарративной истории осуществляется «изнутри» самого сюжетного события.

6. Просветительско-морализаторский текстовый смысл календарных историй находит свое воплощение и в системе персонажей, образы которых имеют обобщенно-типизированный характер и отражают общественные идеалы и ценностные установки соответствующего культурно-исторического времени. Прототипический лаконизм текстовой формы «календарной истории» исключает присутствие в повествовательно-авторском речевом сегменте детального экспозиционного портрета персонажей, а сентенциальная прагматика исследуемого типа литературно-художественного текста обуславливает отсутствие личных имен у большинства действующих лиц, номинации которых чаще всего имеют нарицательный характер. Персонализированные с помощью личных имен действующие лица фигурируют в календарных историях, построенных по типу исторического анекдота, с рассказом о поучительных случаях из жизни великих людей.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена тем, что научное изучение календарных историй как синкретического типа литературно-художественного прозаического текста, а также систематизация композиционно-сюжетных и лингвостилистических средств вербализации его кумулятивной нарративно-сентенциальной природы в немецкой литературе XIX-XX веков вносят определенный вклад в современную теорию текста и нарратологию, способствуя дальнейшей разработке проблем типологии текстов и выявления прототипических характеристик отдельных, прежде всего нарративных, типов текста.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что предлагаемая в ней процедура анализа нарративно-художественных текстов одного типа из разных культурно-исторических периодов, а также языковой материал и основные положения диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении произведений данного, а также аналогичных типов текста на занятиях по интерпретации текста в высшей школе. Теоретические и практические выводы данного исследования могут применяться в вузовских лекционно-семинарских курсах по лингвистике и стилистике текста, истории немецкой литературы.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечиваются выбором его теоретической и методологической базы, валидностью используемых методов научного анализа, значительным объемом и разнообразием эмпирического материала (628 текстов календарных историй немецких авторов XIX-XX веков).

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждались и были одобрены на заседании кафедры немецкой филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». Отдельные положения работы были представлены в научном докладе на международной научно-практической конференции «Герценовские чтения» (2020), по итогам которой опубликованы тезисы доклада. Основные результаты диссертационного исследования отражены в пяти научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Объем и структура диссертации. Исследование изложено на 204 страницах печатного текста. Работа состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографического списка (312 наименований, из них 103 – на иностранных языках), и трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и новизна научной темы исследования; определяются степень ее научной разработанности, цель и задачи, объект и предмет диссертационного исследования, его методологические основы; даются сведения о языковом материале; обосновывается теоретическая и практическая значимость результатов работы; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся данные об апробации результатов исследования.

В первой главе «Теоретические основания интерпретации текста „календарной истории“ как типа текста», состоящей из трех параграфов, рассматриваются литературный нарратив как особый класс текстов, к которому принадлежит множество литературно-художественных произведений, в том числе календарные истории, и «календарная история» как часть этнокультурного немецкого кумулятивного текста – календаря. В заключительном параграфе главы проводится сопоставительный анализ «календарной истории» с близкими жанрово-структурными образованиями – сказкой, притчей, басней, коротким рассказом, историческим анекдотом и шванком.

Научное описание немецкой «календарной истории» как синкретического типа литературно-нарративного текста, предпринимаемое в настоящем исследовании, предопределило необходимость обращения в первом параграфе

«Текстотипологическая характеристика текстов литературного нарратива» к изучению природы «литературного нарратива» как особого класса текстов, возникающих в результате взаимодействия двух текстообразующих стратегий – литературности и нарративности.

Для оптимального научного описания литературного нарратива было необходимо уточнить основания для разграничения двух аспектов литературности – конститутивно-типологического и аксиологически-нормативного, для каждого из которых, как показывает анализ, характерна определенная совокупность содержательных (тематических) и формальных (рематических) критериев.

Аналитический обзор фундаментальных исследований по нарратологии позволил установить, что одним из основных тематических признаков конститутивно-типологического режима литературности является фикциональность – фиктивность, вымышленность литературно-художественного текста. Было также определено, что рематический критерий конститутивно-типологического аспекта литературности традиционно связан с жанровой организацией литературно-художественного текста, а аксиологически-нормативный аспект литературности ориентирован прежде всего на эстетическую функцию текста, позволяющую отделить тексты художественной литературы от текстов, выполняющих главным образом утилитарные цели.

Наряду с литературностью (фикциональностью, жанровой организацией и художественностью) в качестве второй неизменной составляющей литературного нарратива была рассмотрена повествовательность – стратегия текстопорождения, в основе которой лежит некая история, преломленная сквозь призму определенной точки зрения. Стержень нарратива и формируемого им повествовательного текста образует «событие», то есть изменение положения персонажа во времени и пространстве художественного текста, обладающее, как показал анализ облигаторных признаков события у ряда исследователей, различной степенью событийности.

Процесс порождения события в художественном произведении интерпретируется в реферируемой работе в моделях нарративного конституирования, различающихся между собой количеством нарративных уровней (двух-, трех- и четырехуровневые модели), на одном из которых «бесформенная» совокупность ситуаций неизменно подвергается «смыслопорождающему» отбору (история). При этом акцентируется, что отбор элементов для любой истории осуществляется фиктивным нарратором – актуализатором повествовательной перспективы, эксплицитно присутствующим на разных языковых уровнях текстового целого и определяющим композиционно-сюжетное строение художественного произведения, то есть уже на этапе сюжетного конституирования события осуществляется его перспективация.

При рассмотрении нарратора особое внимание уделяется двум важным для задач исследования параметрам этой повествовательной инстанции –

присутствию нарратора в диегесисе и его точке зрения. Подчеркивается, что нарраториальная (нарратор применяет свою точку зрения) и персональная (нарратор применяет точку зрения персонажа) точки зрения возможны как в диегетическом (нарратор присутствует в плане повествования и плане повествуемой истории), так и в недиегетическом повествовании (нарратор присутствует исключительно в плане повествования).

В заключение аналитического обзора делается вывод о том, что изучаемые в данной работе немецкоязычные «календарные истории» принадлежат к литературному нарративу, так как представляют собой вымышленные (фикциональные) истории, входившие традиционно в немецкий «народный календарь», в содержании и прагматических установках которых происходит постепенный переход от утилитарной назидательности к художественному осмыслению действительности. При выходе за рамки периодической печати «календарная история» сохраняет свои основные черты (жанровые признаки), повествуя с помощью нарратора в общедоступной речевой форме о забавных поучительных случаях из жизни простых людей.

Во втором параграфе «*„Календарная история“ как часть этнокультурного немецкого кумулятивного текста – календаря*» в качестве одного из оснований делимитации «календарной истории» как синкретического литературно-нарративного типа текста рассматривается ее генезис. Отмечается, что возникновение типа текста «календарная история» традиционно связывают с развитием книгопечатания и распространением первых печатных календарей в Германии в середине XV века.

Проведенный анализ истории развития календаря показывает, что его формы неоднократно менялись, в то время как содержательные части – месяцеслов, практика, хроника – оставались неизменными. При этом в разные периоды времени наблюдалось последовательное смещение содержательной доминанты календаря (от месяцеслова к практике, от практики к хронике), что было связано с изменением его функционального потенциала как средства массовой информации: от ориентирующей и регулирующей через информирующую и образовательную к повествовательно-развлекательной функции.

В ходе этого анализа было выявлено, что в XVIII веке, не выдержав конкурентной борьбы с газетой, последняя составляющая календаря – историческая хроника – преобразуется в образовательно-просветительскую и повествовательно-развлекательную часть. Начинается период литературизации календаря, завершившийся в начале XIX века выходом «календарных историй» за его пределы и их развитием как автономного нарративного жанра. В результате этого процесса в немецкой этнокультуре появляется литературно-нарративный тип текста «календарная история» (нем. «Kalendergeschichte»), сохранивший вплоть до нашего времени характерные черты краткого нравоучительно-просветительского прозаического текста, ориентированного на широкого потенциального читателя.

В третьем параграфе «„Календарная история“ и родственные жанры» отмечается, что прототипические черты «календарной истории» во многом не являются уникальными, за исключением источника происхождения календарных историй, оказавшего непосредственное влияние на формирование их отличительных свойств, и в той или иной степени присутствуют в «родственных» типах текста (сказке, басне, притче, коротком рассказе, историческом анекдоте и шванке). В то же время сопоставление «календарной истории» с близкими жанрово-структурными образованиями показало, что по своему сюжетно-композиционному построению календарные истории максимально приближаются к короткому рассказу, историческому анекдоту и шванку.

Во второй главе «*Особенности композиционно-сюжетной организации нарратива в „календарной истории“*», включающей два параграфа, представлен анализ композиционно-смыслового членения текстовой структуры календарных историй И. П. Хебеля, Б. Брехта, Ф. К. Вайскопфа, О. М. Графа, Э. Штрिटтматтера, в качестве объединяющей «иллокутивной силы» которого выступает сентенциональная авторская интенция, а также анализ средств вербализации нарратора, выполняющего в исследуемых произведениях функцию главной смысло- и текстообразующей инстанции, резюмирующей просветительно-морализаторский смысл историй из календаря.

В первом параграфе «*Композиционно-смысловое членение текстовой структуры „календарной истории“*» посредством интерпретации произведений названных выше авторов было установлено, что основу композиции немецкоязычных календарных историй составляют вариативные, социально обусловленные сюжеты, которые – при объединяющей их нравоучительности – отражают эволюцию социальных героев и социальных тем, изображаемых авторами, представителями разных исторических эпох. Так, в композиционной основе сюжетов календарных историй И. П. Хебеля (1760-1826) лежат занимательные случаи из жизни простых людей, прежде всего крестьян и мещан как представителей основной целевой аудитории его произведений. Сюжеты календарных историй Б. Брехта (1898-1956) строятся вокруг четырех главных тем – темы «хорошей матери», темы «Просвещения», темы «жертвы мировой истории» и темы «недостойного поведения». В то время как календарные истории Ф. К. Вайскопфа (1900-1955) имеют ярко выраженный антифашистский характер, тексты этого жанра у О. М. Графа (1894-1967) представляют собой увлекательное собрание любовных сочинений из жизни крестьян, а календарные истории Э. Штрिटтматтера (1912-1994), объединяемые темой любви к природе, приобретают вид поэтических миниатюр.

Интерпретация эмпирического материала показала, что, несмотря на вариативность социально обусловленных поучительных сюжетов календарных историй, произведения всех авторов отличает лаконичность текстовой формы, обусловленная прежде всего источником их происхождения и позволяющая

отнести этот вид текстов к классу малоформатных литературно-художественных текстов.

При анализе прототипических особенностей структурно-семантической организации календарных историй значительное внимание в этой части работы уделяется заголовку, началу и концу произведения – «сильным позициям» текста, прагматически важным для понимания и интерпретации исследуемого типа литературно-художественных текстов.

Описывается дуальный характер заголовка «календарной истории» как номинативно-предикативной единицы текста, не ограничивающейся индексальной функцией, а способствующей пробуждению рефлексии читателя и участвующей в создании проекции текста, которая позволяет реципиенту проникнуть в глубинный просветительно-морализаторский смысл историй из календаря.

В качестве типичной лексико-синтаксической модели заголовка календарных историй выделяется лексико-грамматическая секвенция «определенный артикль – прилагательное – существительное», в которой в роли существительного чаще всего выступает социальная и/или акциональная роль главного героя, нередко сопровождаемая одиночным оценочным атрибутом, который имеет первостепенное значение для описываемых в истории событий и выполняет, среди прочего, проспективную функцию, позволяя читателю спрогнозировать наиболее вероятную стратегию развития сюжетного действия (см., например, календарные истории «*Der kluge Richter*», «*Der schlaue Mann*» И. П. Хебеля).

Наряду с функциями заголовка «календарной истории» были проанализированы функции начальной позиции исследуемого типа текста и выделены три типа начала: экспозиция, авторская ремарка и завязка.

Как следует из многочисленных примеров, наиболее полно моделирующая функция начальной позиции текста реализуется в классической нарративной экспозиции, предшествующей завязке сюжетного действия и содержащей краткие сведения о времени и месте действия, его участниках: «*Im August des Jahrs 1804 stand in der Stadt Anklam in Pommern ein reisender Handwerksbursche an einer Stubentüre und bat um einen Zehrpfennig ganz fleissig*» (Hebel, «*Der fechtende Handwerksbursche in Anklam*»).

В ряде календарных историй в начальной позиции были обнаружены авторские ремарки, усиливающие сентенциональную направленность текста. Как правило, подобные авторские ремарки, характерные, как известно, для композиции драматического текста, предшествуют в «календарной истории» экспозиции и выполняют в исследуемом типе текста верифицирующую (1), аддитивную (2), экспедирующую (3) и/или оценочную (4) функцию:

(1) «*Wenn nicht in Salzwedel, doch anderswo, hat sich folgende wahrhafte Geschichte zugetragen, und der Hausfreund hat's schriftlich. Ein Kavallerieoffizier, ...*» (Hebel, «*Wie einmal ein schönes Ross um fünf Prügel feil gewesen ist*»).

(2) «*Die Quäker sind eine Sekte, zum Exempel in England, fromme, friedliche und verständige Leute, wie hierzuland die Wiedertäufer ungefähr, und dürfen vieles*

nicht tun nach ihren Gesetzen: nicht schwören, nicht das Gewehr tragen, vor niemand den Hut abziehen, aber reiten dürfen sie, wenn sie Pferde haben. Als einer von ihnen ...» (Hebel, «Der listige Quäker»).

(3) *«Als vor achtzehn Jahren die Preußen mit den Franzosen Krieg führten und durch die Provinz Champagne zogen, dachten sie auch nicht daran, dass sich das Blättlein wenden könnte, und dass der Franzos noch im Jahr 1806 nach Preußen kommen und den ungebetenen Besuch wettmachen werde. Denn nicht jeder führte sich auf, wie es einem braven Soldaten in Feindesland wohl ansteht. Unter andern drang damals ein brauner preußischer Husar ...»* (Hebel, «Der Husar in Neiß»).

(4) *«Man muss mit Wirten keinen Spaß und Mutwillen treiben, sonst kommt man unversehens an den Unrechten. Einer in Basel ...»* (Hebel, «Teures Späßlein»).

Однако параллельно с этим было установлено, что в силу ограниченного текстового объема произведений в ряде календарных историй может отсутствовать как начальная авторская ремарка, так и более или менее развернутая нарративная экспозиция. Согласно нашим наблюдениям, повествование начинается в таком случае с классической завязки, в которой определяется направление сюжетной линии, обозначается обсуждаемая нравственная проблема и завязывается главный сюжетный конфликт: *«Mein Sohn Matthes und sein Onkel gingen angeln. Der Onkel ist kein Angler, aber Matthes ist ein berühmter Angelzuschauer»* (Strittmatter, «Die Angler»).

В ходе дальнейшего анализа, наряду с тремя характерными видами начальной позиции текста, в историях из календаря были выявлены три типа концовок:

1) композиционно-смысловой пуант (без классической нарративной развязки художественного действия): *«„Sie vergessen bloß den kleinen Unterschied, General“, gab Tschou En-lai zurück. „Sie dienen ihm [dem Volk] auf Ihre und ich diene ihm auf seine Weise“»* (Weiskopf, «Der kleine Unterschied»);

2) экспликация развязки после пуанта: *«“So!... Soso, hm“, hat die Liesl bloß noch gemacht und – ich will’s nicht mehr weit ausspinnen – auf Ehr’ und Seligkeit, die Heirat ist nichts geworden. Wie vorher leben die zwei Schneiderbinder-Schwestern schiedlich und friedlich zusammen in ihrem Häusl»* (Graf, «Das Ausprobieren oder Die Katz’ kauft man nicht im Sack»);

3) заключительная авторская морализаторская ремарка.

С точки зрения автономности нравственного смысла (связи морали с повествуемым событием) конечные авторские ремарки в календарных историях условно делятся в работе на три типа:

1) ремарка как заключительный акт нарратива календарной истории: *«Merke: Der König von Preussen hat sich in diesem Stücke klüger betragen als der Herr Amtsschreiber von Brassenheim»* (Hebel, «Die Schmachschrift»);

2) ремарка в виде общего совета для практического применения: *«Was lernen wir daraus? – Ehre Vater und Mutter, auf dass es dir wohlgehe!»* (Hebel, «Kindes Dank und Undank»);

3) ремарка, представляющая пространное рассуждение на морально-нравственную тему: «*Merke: du sollst nicht über die Religion grübeln und düfteln, damit du nicht deines Glaubens Kraft verlierst. Auch sollst du nicht mit Andersdenkenden darüber disputieren, am wenigsten mit solchen, die es ebensowenig verstehen als du, noch weniger mit Gelehrten, denn die besiegen dich durch ihre Gelehrsamkeit und Kunst, nicht durch deine Überzeugung. Sondern du sollst deines Glaubens leben und, was gerade ist, nicht krumm machen. Es sei dann, dass dich dein Gewissen selber treibt zu schanschieren*» (Hebel, «Die Bekehrung»).

Интерпретация сильных позиций текстов календарных историй позволила, кроме того, установить, что значительная роль в реализации коммуникативно-прагматической стратегии сентенциональности принадлежит композиционно-смысловому построению «календарной истории» по принципу контрадикторности на основе:

1) лексико-семантических противопоставлений в позиции заголовка: «*Klein und groß*», «*Geiz und Verschwendung*», «*Gutes Wort, böse Tat*», «*Mißverständnis*», «*Eine merkwürdige Abbitte*», «*Die leichteste Todesstrafe*», «*Unverhofftes Wiedersehen*»;

2) рамочных композиционно-смысловых оппозиций «начало – конец» текста: «*Ein Kaufmannsdiener, auf der Reise von der Nacht und Müdigkeit überfallen, bindet sein Pferd, so mit kostbaren Waren beladen war, nimmer weit von einem Wachthaus an einen Baum, legt sich selber unter das Obdach des Baumes und schläft ein. Früh, als ihn die Morgenluft und der Wachtelschlag weckte, hatte er gut geschlafen, aber das Rösslein war fort*». – «*Des andern Morgens, als ihn die Morgenluft und der Wachtelschlag weckte, hatte er auch gut geschlafen, denn das Rösslein stand mit allen Kostbarkeiten wieder angebunden neben ihm, und an dem Baum hing ein toter Mensch, der Dieb, und sah das Morgenrot nimmermehr*» (Hebel, «Etwas aus der Türkei»);

3) использования антонимов в структуре отдельных предложений, так, например, смысловая оппозиция «жадность – расточительство» отражает основную тему притчеобразной календарной истории И. П. Хебеля «Geiz und Verschwendung» и (без преувеличения) пронизывает каждое предложение произведения: «*Geiz ist die Wurzel alles Übels; Verschwendung ist ein Baum voll bitterer Früchte. Den Geizigen verzehrt die Sorge; den Verschwender die Ausschweifung. Jenen lohnt am Ende die Furcht; diesen der Kummer. Nicht selten wird der jugendliche Verschwender noch ein geiziger Greis. Sehr oft kommt das Vermögen geiziger Sammler an verschwenderische und im eigentlichen Sinne, lachende Erben*» (Hebel, «Geiz und Verschwendung»);

4) противопоставления повествовательных событий в рамках двух и более эпизодов текста, так, например, сложное контроверсивное понятие «счастье» раскрывается И. П. Хебелем в календарной истории «Glück im Unglück» на примере пяти противоположных событий, каждое из которых последовательно относится повествующей инстанцией к «счастью» или «несчастью»: 1) ... und das war ein Glück; 2) ... und das war kein Glück; 3) ... und das war ein großes Glück; 4) ... und das war wieder ein großes Unglück; 5) ... und

das war nach allem, was vorhergegangen war, nicht das Schlimmste (Hebel, «Glück im Unglück»).

При анализе текстовой структуры календарных историй пристальное внимание уделялось способам композиционно-смысловой и субъектно-речевой репрезентации в ней «образа автора», а точнее нарратора как одного из важнейших текстовых экспликаторов категории «автор» – фиктивной посреднической инстанции между автором и читателем.

Выявление типов нарратора во втором параграфе «Смысло- и текстообразующая роль нарратора календарных историй» осуществлялось по трем главным критериям:

1) характер выраженности повествователя в текстовой структуре (эксплицитный/имплицитный нарратор);

2) повествовательная перспектива (нарратор с ограниченной/неограниченной повествовательной перспективой);

3) модус повествования (диегетический/недиегетический нарратор).

Сопоставление в этом аспекте текстов календарных историй разных авторов позволило установить, что по степени выраженности повествователя в текстовой структуре в подавляющем большинстве календарных историй И. П. Хебеля, Б. Брехта, Ф. К. Вайскопфа и О. М. Графа нарратор остается в тексте имплицитно выраженным, презентация событий осуществляется в форме 3-его лица в претеритальном сюжетном времени. Не названным в тексте (большинства историй), но обозначенным в названии сборника и проявляющим себя в речевой ткани произведений на прагматико-смысловом уровне нарратором является персонифицированная фигура «Рейнский друг дома» (нем. «Der Rheinische Hausfreund») И. П. Хебеля. В то же время примером эксплицитных повествователей в текстах календарных историй можно считать «господина Койнера» (нем. «Herr Keuner») в миниатюрах «Истории господина Койнера» Б. Брехта, а также автобиографического героя-рассказчика, обозначаемого личным местоимением 1-го лица, в миниатюрах Э. Штриттматтера, в образе которого угадывается сам автор сборника «Шульценгофский календарь всякой всячины».

В аспекте участия повествующей инстанции в событиях повествуемой истории и по характеру ее повествовательной перспективы в качестве классического для нарративно-сентенционального текста «календарной истории» был признан недиегетический аукториальный тип нарратора, обладающий безусловным знанием сюжета, не прибегающий к персональной самопрезентации в тексте, с легкостью абстрагирующийся от описываемых событий и выражающий мораль произведений в максимально независимой от участников событий форме.

Наиболее яркий пример недиегетического аукториального нарратора в текстах календарных историй представляет собой повествователь «Друг дома» – художественное олицетворение морализаторской, сентенциональной интенциональности календарных историй родоначальника жанра И. П. Хебеля. Как демонстрируют многочисленные примеры, ментальная и психологическая

близость нарратора к автору произведения проявляется прежде всего в обращениях повествователя к читателю, которые обнаруживаются чаще в начальной или конечной позиции текста (реже – в основной части произведения), принимают форму отступлений от основной сюжетной линии, различаются по коммуникативной интенции и объему, но обладают одинаково высокой степенью эксплицитности в тексте, характерной для художественных прозаических произведений с сентенциальной направленностью.

В то же время недиегетический нарратор может уступать место диегетическому повествователю, который одновременно функционирует в плане повествования (нарратор) и в плане повествуемой истории (персонаж), обеспечивая эмоционально-оценочное комментирование «изнутри» самого действия. Степень участия нарратора в диегесисе в таком случае может варьироваться от не принимающих непосредственного участия в действии, но сообщающих (как правило, в авторской ремарке к истории) источник информации повествователя-свидетеля (в календарных историях И. П. Хебеля и О. М. Графа) и повествователя-ретранслятора (в текстах календарных историй И. П. Хебеля и Ф. К. Вайскопфа) до полноценного действующего лица: реже – «стороннего наблюдателя», чаще – одного из главных персонажей или протагониста («господин Койнер» Б. Брехта и герой-рассказчик Э. Штриттматтера в большинстве календарных историй авторов, «Друг дома» в некоторых календарных историях И. П. Хебеля).

В третьей главе «Смысло- и текстообразующая роль образов персонажей в „календарной истории“», включающей два параграфа, представлен анализ различных типов персонажей, участвующих в развитии просветительско-дидактического смысла исследуемого типа текста, а также способов их репрезентации в календарных историях И. П. Хебеля, Б. Брехта, Ф. К. Вайскопфа, О. М. Графа, Э. Штриттматтера. Особое место в анализе занимает интерпретация композиционно-смысловых функций речи персонажей в текстовом целом историй из календаря.

В первом параграфе «*Типы персонажей и способы их репрезентации в текстовой структуре*» в календарных историях родоначальника исследуемого типа текста И. П. Хебеля объектами интерпретации стали традиционные психологические типы («находчивый человек», «хитрец», «благодетель», «жалобщик», «хвастун», «шутник», «смельчак», «глупец», «обманщик» и др.). Как показал анализ, названные антропоморфные художественные образы действуют в сюжетной композиции календарных историй по принципу «инварианта в вариациях», то есть они не просто представляют единичные характеры людей, а реализуют типические «функции», исполнителями которых могут выступать самые разные персонажи. Так, например, у И. П. Хебеля тип «находчивого человека», умеющего легко и быстро находить выход из затруднительного положения, объединяет образы девушки («*Das schlaue Mädchen*»), штирийца («*Der listige Steiermarker*»), князя («*Die leichteste Todesstrafe*»), придворного шута («*Der verwegene Hofnarr*»), купца («*Der listige Kaufherr*»), квакера («*Der listige Quäker*») и еврея («*Einträglicher Rätselhandel*»),

неизменный круг действий которых составляют три последовательные функции: 1) герой попадает в затруднительное положение, 2) герой проявляет находчивость, 3) герой вознаграждается за проявленную находчивость.

Наряду с психологическими типами действующих лиц у И. П. Хебеля в календарных историях более поздних авторов были обнаружены и проанализированы социально-психологические типы персонажей, отражающие историческую и социокультурную смену общественных идеалов и ценностных приоритетов. Так, в произведениях Ф. К. Вайскопфа действуют актуальные для первой половины XX века типы «женщины-матери», «узника тюрьмы / трудового / концентрационного лагеря», «революционера / борца за свободу». В календарных историях О. М. Графа главными действующими лицами выступают сельские жители – баварцы, проявляющие себя в разных ситуациях любовных отношений. Э. Штрिटтматтер отдает предпочтение персонажам, жизненные прототипы которых легко обнаруживаются в биографии самого писателя: прототипом главного героя-рассказчика является сам автор «Шульценгофского календаря», а членов его семьи и друзей – друзья и родственники Э. Штрिटтматтера.

К характерным приметам календарных историй Б. Брехта относится включение в их сюжетную композицию образов «учителя» и «ученика» – двух важнейших субъектов традиционного воспитательного процесса, диалогические отношения между которыми служат выражению сентенциальной установки исследуемого типа текста. В качестве персонажей-учителей у Б. Брехта действуют известные исторические фигуры: Френсис Бэкон, Джордано Бруно, Гаутама Будда, Сократ, Лао-цзы и др.

В отличие от вышеназванных героев произведений Б. Брехта, большинство персонажей в текстах календарных историй не получают имен собственных, а если и получают их, то чаще всего они носят нарицательный характер: «„*Jensen, wohlgemerkt, ist ein Gattungsname*“, *bemerkte die Untergrundzeitung am Schluß ihres Berichtes*» (*Weiskopf, «Gattungsname Jensen*»).

Систематизация лингвостилистических средств создания образов персонажей календарных историй позволила прийти к выводу, что при введении в повествование неиндивидуализированных героев авторы, как правило, ограничиваются литературно-художественным портретом, дающим крайне обобщенную информацию о герое и отражающим прежде всего его социальную роль или общественное положение: султан и его подданный (*Hebel, «Der kluge Sultan*»), король и князь (*Hebel, «Ein teurer Kopf und ein wohlfeiler*»). При этом социально-статусная номинация действующих лиц может сопровождаться краткой качественной характеристикой героя (в заголовке календарной истории или начальной позиции текста), которая обычно принимает форму одиночного оценочного атрибута: терпеливый человек (*Hebel, «Der geduldige Mann*»), находчивая девушка (*Hebel, «Das schlaue Mädchen*»).

К особенностям композиционно-смысловой структуры календарных историй относится и то, что первичная «точечная» характеристика героя может

перераста в лейтмотивный портрет, содержащий положительную, отрицательную или ироническую авторскую оценку.

Анализ художественно-речевой структуры образов персонажей, характерных для исследуемого типа текста, показал, кроме того, что наряду с акцентированием эмоционально-экспрессивной оценки отдельных образов реализации их сентенционального смысла способствует широкое применение авторами стилистической фигуры контраста. Риторический прием противопоставления образов персонажей используется в календарных историях как «олицетворенное» художественное изображение различных религиозных взглядов (лютеранин (лютеранство) – католик (католицизм) (Hebel, «*Die Bekehrung*»); научно-философских идей/концепций (врачи, повар и бабушка мальчика (сторонники схоластической философии) – Ф. Бэкон и его ученик (эмпирики) (Brecht, «*Das Experiment*»); социальных противоречий (фрау Цингли (биологическая мать, представительница класса имущих) – Анна (приемная мать, представительница трудового класса) (Brecht, «*Der Augsburger Kreidekreis*»); этических проблем (швейцарец – испанка (отношения между супругами) (Hebel, «*Seltsame Ehescheidung*»).

В плане лингвистического выражения контрадикторность образов персонажей с заложенным в ней эксплицитным или имплицитным представлением морали обеспечивается за счет антитезы, реализуемой на уровне:

1) словосочетания/предложения (архитектоническая антитеза): «*Denn in den spanischen Haushaltungen ist die Frau der Herr, ein guter Freund der Mann, und der Mann ist die Magd*» (Hebel, «*Seltsame Ehescheidung*»);

2) связанных между собой по смыслу сюжетных эпизодов и фрагментов текста (композиционная антитеза): в календарной истории Б. Брехта «*Der Augsburger Kreidekreis*» поведение фрау Цингли противопоставляется поведению ее служанки Анны;

3) целых текстов (интертекстуальный уровень), например, в календарных историях Б. Брехта образы польских детей из календарной истории «*Kinderkreuzzug 1939*» и древнеримского полководца Цезаря из текста «*Cäsar und sein Legionär*» можно интерпретировать как художественное олицетворение бессмысленных жертв войны и противопоставление друг другу самой беззащитной части народа (дети) и поборника власти (Цезарь).

В параграфе «*Композиционно-смысловые функции речи персонажей в текстах календарных историй*» описывается участие разных способов передачи речи персонажей (прямой, несобственно-прямой речи и внутренних монологов) в формировании как литературно-художественных портретов самих действующих лиц, так и целостных текстовых смыслов.

В ходе сопоставительного анализа отдельных текстов календарных историй устанавливается, что основная функция прямой речи персонажей заключается в актуализации на ее основе характерных деталей в образах действующих лиц, важных для смысла текста, например, льстивой натуры хитрой девушки-официантки («*Das schlaue Mädchen*») или хитрости

бездельника-пилигрима («*Der schlaue Pilgrim*») в календарных историях И. П. Хебеля.

Отмечается, что в текстах календарных историй, в которых прямая речь персонажей занимает значительный объем текста, диалоги героев участвуют в сюжетной динамике произведения, придавая ей характер живой устной речи («*Ein Wort gibt das andere*» И. П. Хебеля, многочисленные диалоги господина Койнера с философом, актрисой, торговцем, архитектором, врачом и многими другими социальными типами людей в календарных историях Б. Брехта).

Помимо функций речевой характеристики персонажа, разворачивания сюжета и придания календарной истории характера живой беседы, прямая речь персонажей может использоваться в структуре текста для персонифицированного выражения его сентенциального смысла. Примером абсолютной реализации нравоучительно-просветительской функции речевого плана персонажей является, согласно нашим наблюдениям, образ героя-рассказчика в серии календарных историй Б. Брехта «*Geschichten vom Herrn Keuner*», господина Койнера, озвучивающего в форме прямой речи мораль в 78 из 87 авторских историй.

Вместе с тем было обнаружено, что в некоторых случаях сентенциальная компонента текста может быть репрезентирована не в форме однократного монологического или диалогического «прямого» высказывания персонажа, а в виде микровкраплений и/или многочленных комплексов несобственно-прямой речи, отражающих сложную внутреннюю борьбу героя в рамках определенной морально-нравственной темы, как, например, в психологизированных календарных историях Б. Брехта «*Der verwundete Sokrates*» и «*Cäsar und sein Legionär*». Реже за нравственной эволюцией героя в календарных историях можно наблюдать на примере традиционных внутренних монологов, например, в календарной истории «*Kannitverstan*» И. П. Хебеля или календарной истории «*Der Soldat von La Ciotat*» Б. Брехта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной результат проведенного исследования заключается во всесторонней лингвопрагматической и лингвостилистической интерпретации текста «календарной истории», позволяющей считать ее синкретическим нарративно-сентенциальным типом литературно-художественного текста.

Изучение основополагающих принципов текстотипологической параметризации литературного нарратива, генезиса календарных историй как части кумулятивного типа текста «календаря» в немецкой этнокультуре и сопоставительный анализ немецкой «календарной истории» с родственными нарративными жанрами дают основание для определения «календарной истории» (нем. «*Kalendergeschichte*») как малоформатного прозаического литературно-художественного произведения, сохранившего при выходе из кумулятивного текста «народного календаря» характерные черты

нравоучительно-просветительского нарративного текста, ориентированного на широкого потенциального читателя и повествующего в лапидарной и общедоступной языковой форме о типичных, необычных или забавных жизненных ситуациях, заслуживающих афористического осмысления.

Посредством методов композиционно-сюжетного и контекстуально-речевого анализа текстовых целых, сопоставительной интерпретации текстов изучаемого типа из разных культурно-исторических эпох и индуктивно-дедуктивного метода научной интерпретации библиографического и языкового материала были выявлены прототипические характеристики типа текста «календарная история», выражаемые определенной совокупностью композиционно-архитектонических и лингвостилистических элементов, которые служат реализации его главной коммуникативно-прагматической установки.

Сентенциональность, имеющая, как показал анализ, статус текстообразующей коммуникативно-прагматической категории «календарной истории», включается на уровне композиционно-сюжетной организации текста прежде всего в вариативные по содержанию и форме, но неизменно нравоучительные, социально обусловленные сюжеты; в эксплицитные авторские ремарки в начальной и/или конечной позиции в тексте. Сентенциональность определяет и типичное для «календарной истории» композиционно-смысловое построение по принципу контрадикторности.

К прототипическим признакам «календарной истории» относится текстовая реализация в качестве преобладающей повествовательно-речевой инстанции классического недиегетического аукториального типа нарратора, формулирующего мораль истории от 3-его лица в преднарративной или постнарративной позиции текстовой структуры. В случае если в сюжетной композиции недиегетический аукториальный нарратор уступает место диегетическому нарратору, сентенционально «нагруженное» эмоционально-оценочное комментирование событий и поступков персонажей осуществляется «изнутри» самого сюжета.

В системе действующих лиц «календарной истории», участвующих в развитии текстового сентенционального смысла, на передний план нарратива, согласно наблюдениям автора диссертации, выдвигаются образы определенных психологических и социально-психологических типов персонажей, отражающие параллельно жанровой эволюции смену общественных идеалов и моральных ценностей в соответствующее культурно-историческое время. К характерным особенностям «календарной истории» принадлежит отсутствие в структуре литературно-художественных образов персонажей их личных имен, а также семантическое осложнение имен нарицательных, называющих героя в рассредоточенных по тексту кратких портретных зарисовках, субъективно-оценочной модальностью, прагматически ориентированной на лежащую в основе сюжетной композиции текста авторскую сентенцию.

Перспективы реферируемого исследования видятся в расширении эмпирической базы за счет сопоставительного изучения произведений данного

и схожих с ним синкретических видов художественных текстов у других авторов. Предложенная в диссертации процедура анализа нарративного художественного текста с сентенциональной прагматической направленностью, языковой материал и основные положения работы могут быть использованы при комплексном исследовании смешанных типов текстов не только в литературной, но и в других видах коммуникации, а также на материале других языков.

По теме диссертационного исследования опубликованы 6 работ, общим объемом 3,25 п.л.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень, утвержденный ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Небеснюк У. А. История развития календаря как кумулятивного текста массовой информации в этнокультуре Германии / У. А. Небеснюк // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Т. 29. – Вып. 6. – Ижевск, 2019. – С. 976-981. (0,4 п.л.)

2. Небеснюк У. А. Этнокультурный немецкий текст «Kalendergeschichte»: прототипические особенности композиционно-сюжетной организации текстовой структуры / У. А. Небеснюк // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – Самара, 2020. – Т. 26. – № 3. – С. 131–141. (0,7 п.л.)

3. Небеснюк У. А. Композиционно-смысловые функции риторических фигур противопоставления в тексте «календарной истории» (нем. «Kalendergeschichte») / У. А. Небеснюк // Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь: Изд-во Севастопольского государственного университета, 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 18–23. (0,4 п.л.)

4. Небеснюк У. А. Структура и текстовые функции литературно-художественного образа «господина Койнера» в композиции и архитектонике «Календарных историй» Б. Брехта / У. А. Небеснюк // Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь: Изд-во Севастопольского государственного университета, 2020. – Т. 6. – № 3-4. – С. 24-33. (0,6 п.л.)

5. Небеснюк У. А. Textoобразующие функции повествовательно-художественного образа «Друг дома» как персонализированного нарратора в текстах календарных историй И. П. Хебеля / У. А. Небеснюк // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2021. – № 3 (102). – С. 119–132. (0,9 п.л.)

Статьи в сборниках материалов конференций:

6. Небеснюк У. А. Прототипические черты этнокультурного немецкого текста «Календарная история» (нем. «Kalendergeschichte») / У. А. Небеснюк // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов / под ред. Т. И. Воронцовой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 96-99. (0,25 п.л.)